

Слава Богу, что покамест есть о чем не забывать

Стихи

Евгений Васильевич Клюев родился 3 января 1954 г. в Твери (тогда — город Калинин). Здесь же в 1976 году закончил филологический факультет Государственного университета, впоследствии — аспирантуру при факультете журналистики МГУ. Доктор филологических наук. Специальность — лингвистическая прагматика.

Стихи Е. Клюева публиковались с конца 80-х годов, позже — проза и публицистика. В России с начала 90-х годов и до сегодняшнего дня изданы его книги: «Целый том чепухи» (переводы стихов Э. Лира и Л. Кэрролла), «Who is Silence?» (сказки на английском языке), повесть «Между двух стульев», роман «Книга теней», повесть в ста историях «Царь в голове», сборник сказок «Цыпленок для супа». Кроме того, он автор учебников для вузов («Критерии лингвостилистического анализа текста», «Речевая коммуникация», «Риторика», «Теория литературы абсурда»).

С 1996 года Е. Клюев живет и работает в Дании, в настоящее время занимается проблемами лингвистической политики при Службе интеграции муниципалитета Баллерупа.

Часовой пояс

1

Если долго лететь по небу... по небесам,
вспоминаются друг за дружкой то дом, то сад, —
я сегодня, летя по небу, о них писал...
в смысле думал — мне было не на чем записать.
И они затерялись где-то меж облаков —
истончившись до пара сизого, до дымка,
превратившись в пару каких-нибудь пустяков
перед этим строгим понятием — облака.
К дому с садом еще полагался вечерний чай,
кофе на ночь и йогурт утром... наоборот,
и сбегала слеза по скатерти невзначай,
и, надкушенный, сильно хмурился бутерброд.
А калитка пискнула тоненько, как щенок,
а густая пряжа запуталась вся вконец...
И хотелось смеяться — только никто не мог, —
и пустая мольба смутилась и пала ниц.
А еще полагалось сказать, объяснить, спросить —
и, навравши с три короба, вынести короба
и потом заплясать или, скажем, заголосить
от того, до чего же милостива судьба.
Быть правдивым не полагалось: Аэрофлот
вынуждал изворачиваться, замечать следы —
день упрявился и, не желая идти вперед,
все канючил: то пенталгин, то стакан воды.

Только в небе все стало вновь на свои места:
на минуту сгустились... рассеялись дом и сад —
и подумалось: жизнь, наверное, прожита —
не забыть бы... да было не на чем записать.

2

Время, стало быть, — этакий нежный тать, —
потихоньку стащило дни, фонари, дома:
человек ты небесный, не полно ль тебе летать —
человек ты земной, не сойти бы тебе с ума!
Облака твои здесь превращаются там в снега,
в непролазную грязь на дорогах и вдоль дорог...
Там, внизу, ты судил бы не выше бы сапога —
здесь ты судишь как бог, но какой же ты, к черту, бог!
Ты сапожник, заброшенный в небо на два часа,
ты безбожник, себя зачисливший в сонм богов,
ты не вяжешь лыка, ты попросту напился —
ты таков же, как все, и нисколечко не другов!..
Вот тебе вертикаль, о которой ты бредил там,
и на лестнице — Яков, качающий головой:
ибо вслед за тобой взбирается по пятам
все, что было тебе суетой, маятой, Москвой.
И тебе невдомек, что веревочный этот брод
ненадежней, чем все твои бездны, небесный гость,
ненадежней, чем время, чем память, чем гололед,
ибо зреет и зреет внизу, тяжелея, гроздь —
обещаний пустых, невесомых обид, долгов,
полоумных надежд ни на что и на всё подряд...
Ах, по небу ходить хорошо: не слышать шагов
и светила — дневное с ночным — сообща горят...
Но не выдержит лестница — не для тебя свита,
да и вспомни-ка... сколько тебе уже полных лет!
И отторгнет тебя безгрешная высота,
и задумчивый Яков помашет рукою вслед.

3

Собиратель иллюзий, коллекционер химер,
превращатель всего в песочные словеса,
объясни наконец, как же так оно, например:
в три поднялся с земли — приземляешься в три часа!
И поди докажи, что катался на облаках,
и поди расскажи, как живется на небесах, —
ни единой звезды не осталось в твоих руках,
ни единого сдвига на сонных твоих часах.
Был ли — не был ли где... да сидел себе за столом,
задремал — и пригрезилась всякая, значит, блажь!
Или ангел бездомный, летя над твоим челом,
прикоснулся крылом... Ты и сам-то гроша не дашь

за историю с небом как действующим лицом:
всё тут выдумки, видишь ли, бред полоумный твой!
Не поднять тебе, милый мой, ног, налитых свинцом, —
не расстаться тебе с бестолковой твоей Москвой.
Завари себе, стало быть, что же... покрепче чай —
а глотнувши, проснись и вычисли интервал:
снова — здравствуйте, Мёбиус; снова — живи-скачай
по неведомым странам, в которых не побывал,
снова — думай, что жизнь бесконечно во всем права,
как была до сих пор — этих самых унылых пор,
и катай языком золотые во рту слова —
хоть такие, как Гамбург, Брюссель или Эльсинор!
... затяни часовой свой пояс, вели устам
повторять имена незнакомых небесных тел —
вот и здесь скоро три пополудни... так же, как там —
там, откуда ты так и не улетел.

* * *

За колючим за боржомом —
ветру зимнему под стать —
скучно в городе тяжелом
злое время коротать.

А за островом Кукуем
есть кафе, где жизнь как дым.
Хочешь, сядем потолкуем —
хочешь, просто посидим.

И возьмем по чашке кофе
да по рюмочке вина,
чтоб не думать об эпохе
то ли смерти, то ли сна.

Вспомним что-нибудь другое —
утренний, к примеру, лес
и за облаком погоню
через лес наперерез,

или как узор на ткани
просиял — и был таков,
или кроткое мельканье
узких серых башмачков...

Музыкант тут музыканист,
денег некуда девать...
Слава Богу, что покамест
есть о чем не забывать.

* * *

Не то чтобы мир был настолько уж беден и плох,
не то чтоб любая стезя была слишком кривая —
все может удаться и сбыться, и дай-то вам Бог,
все может быть просто прекрасно, но я уплываю.
Какие пожитки... — я тут ничего не собрал:
сперва не умел, а потом не поладил с весами!
Вы будете царь или раб, а я буду корабль —
хороший такой, одномачтовый и с парусами.
Вы будете правы, а я буду снова не прав —
не прав так не прав, все равно моя жизнь кочевая!
Тут столько цветов золотых и серебряных трав,
тут столько всего дорогого, но я уплываю.
И как со мной быть, если цену не я назначал
и не торговался, и не предлагал для обмена
ни душу, ни тело, ни прочее по мелочам —
тем паче страну: я не знаю стране этой цену!

Какие погожие лета стоят на дворе,
какая погода, какая природа живая...
И все, кто грешил, сожжены на высоком костре,
а кто не грешил, тот прославлен, но я уплываю —
не то чтобы знаю зачем или знаю куда,
не то чтобы все показалось и пусто, и тщетно,
а... просто вода, дорогие, а просто вода
несет свою легкую ношу — соломинку, щепку!

* * *

Прекрасный белый особняк,
в котором были мы на днях,
стоит, задумавшись глубоко.
И в тонкой галерее сбоку
гуляет маленький сквозняк.

Нас больше нет в особняке —
и друг от друга вдалеке
мы совершаем нашу память,
к которой нечего прибавить,
весь мир сжимая в кулаке.

И, если силой сквозняка
нас, как вот эти облака,
однажды вынесет со свету,
дай Бог нам встретить участь эту,
не разжимая кулака,

в котором мост, за ним дворец,
а дальше — лес и в нем скворец,
минутной вечности глашатай...
И мир нам сладок, как зажатый
в ладошке детской — леденец.

* * *

Окарина на окраине —
на окраине чего?
Окарина на окраине...
на окраине — всего.
Громыкает в кухне супница,
задевая за игру,
если музыка оступится,
я, наверное, умру.
Ходит дудочка на цыпочках
по обрыву бытия
с горсткой нот своих рассыпчатых,
отнятых у забытья.

О, карина, как я верю Вам
в час, когда почти бегом
сон ученый с плоским веером
бродит по цепи кругом!
Стой, попавшая на удочку
вечной музыки одной,
жизнь длиною в эту дудочку,
в эту музыку длиною!

* * *

За образом милым, за облаком милым влачусь
по белому свету сквозь темные заросли чувств,
но, видимо, облаку нравится только свобода,
а мне очень нравится облако, вот в чем беда.
И даже не облако — так, красота, ерунда,
летучая частность, пустяк, золотинка, слюда,
шальная и смутная мысль чудака-небосвода
и все что хотите — не важно-как-это-назвать.

Воздушное нечто, мне так одиноко без Вас:
без Вас между мною и миром теряется связь —
и в зарослях чувств я бы сбился с пути непременно,
когда не махала бы вечность мне белым флажком.

И я — торопливой пробежкой, коротким шажком —
за нею влачусь то в повозке чужой, то пешком.
И вечность моя, словно верность и вместе измена,
все машет и машет, все манит и манит флажком.

* * *

В честь уже наступившего лета
на пустынной одной мостовой
вот тебе одуванчик салюта
надо всею твоею Москвой.
Это что-нибудь вроде подарка —
одуванчик, ночной сувенир,
это так, как от бублика дырка
или след от бесцветных чернил.
Это что-нибудь вроде привета.
Только так и могу я, увы,
посигналить тебе — через лето,
через темную бездну Москвы.